

Работа целителя — это медленные, приятные дни, когда нет пациентов; и дни, наполненные стрессом, злостью, дрожью. Сегодня был из последних. Перед самым рассветом ее разбудил стук в дверь: жена сапожника собиралась рожать на месяц раньше срока. Юи только собрала подмастерьев и припасы, как вбежал другой фермер, взволнованный тем, что его брат попал под топор. По дороге в поле она узнала, что глаз Хироши, скорее всего, инфицирован.

— Сэн, иди с Акио и помоги с родами. Я присоединюсь к вам после. Эйджи, проверь Хироши еще раз. Дай ему асалик и проверь, нет ли жара. — Они оба кивнули и направились в разные стороны, а она последовала за фермером на его поле.

Как только она увидела его брата, Юи поняла, что дело плохо. Топор перерубил ему подколенную артерию, и, хотя у него хватило ума наложить жгут, было уже слишком поздно.

Пульс менее шестидесяти ударов в минуту, дыхание прерывистое, и он потерял сознание. Ладони Юи покрылись ярко-красной артериальной кровью, когда она отчаянно пыталась закрыть рану; его конечности стали холодными, а кожа липкой. Дыхание замедлилось. Юи чувствовала, как его пульс слабеет, слабеет и, наконец, останавливается.

Фермер поблагодарил ее сквозь слезы и отчаяние, что заглушали его слова. По сравнению с этой тупой, незаслуженной благодарностью, Юи предпочла бы гнев и обвинения. Это то, что она заслужила. На поле пришли его друзья и родственники, и они тихонько отвели его от тела. Вскоре после этого Юи ушла. Мёртвым помощь не нужна.

Пока она медленно шла к деревне, у нее была только одна мысль: а если бы...

Если бы только Юи обладала тем богатством, которое помнила из другого мира, как, например, переливание крови, антибиотики и современные инструменты... если бы у неё были те чудесные технологии, что она порой видела в своих грёзах... если бы только она помнила больше о том, как и из чего их изготавливают. Да, некоторые её пациенты умерли бы независимо ни от чего. Но конкретно сегодняшний мог бы выжить. Жизнь в этом мире, в этом времени — штука странная и зыбкая. Она напоминала ветренную девицу, что по прихоти своей могла в любой миг уйти от любого человека, и как бы ни пыталась Юи, она ничего с этим не могла сделать.

— Я должна продолжать пытаться. — Сказала Юи вслух. — Я должна.

Она творила добро. Она спасала жизни, распространяла знания, даже пыталась привнести в мир лекарства, до которых нужны десятилетия развития: те самые антибиотики, в которых она нуждалась.

(Этого никогда не было достаточно)

Юи дошла до двери и толкнула ее. День только начался, но она уже устала. Она вымыла руки в ведре с мылом; забавно, ладони были такими же холодными и липкими, как у мертвеца. Юи закрыла глаза и взяла волю в кулак. Ей еще предстояло принять роды, позаботиться о деревне

и приготовить лекарства.

Она могла сделать это. Но не хотела.

Юи выбросила окровавленные иголку с ниткой в корзину и огляделась в поисках свежих. В клинике их не оказалось, и она поспешила в сарай. Открыв дверь, внезапно увидела Сэна, сидящего в углу с опущенной головой.

— Сэн? — Она моргнула. — Я думала, ты...

Юи замолчала.

— Они не выжили. Ни мама, ни ребенок. Преждевременные роды. Ребенок... он был мертворожденным, а мама истекла кровью. — Он поднял голову: глаза красные, на щеках дорожки от слёз. Но голос совершенно спокойный, а взгляд — равнодушный. — А как твой пациент?

Юи покачала головой. Она села рядом и притянула его ближе. Он не протестовал и не жаловался, вместо этого прижался к ней, положив голову на плечо. Сэн задрожал, и Юи поняла, что он пытается сдержать слезы.

— Плакать — это нормально. — Прошептала она, и он начал всхлипывать. Юи позволила ему выплакаться, нежно поглаживая его волосы, пока он пытался собраться с мыслями.

— Ты должна была быть там. — Задохнулся он, и его слова были подобны удару льда.

— Что?

Он грубо смахнул слезы.

— Я недостаточно хорош. Если бы ты выбрала лучшего ученика, или если бы Эйджи пошел туда, или если бы это был просто не я, то они бы выжили.

— Сэн...

— Я не такой, как ты или Эйджи! Я не настолько умный и вообще медленно соображаю! Я не могу быть хорошим целителем. Да какой там хорошим... даже нормальным. — Его всхлипывания становились всё громче, а из глаз вновь покатились слёзы. Слёзы ярости, бешенства, ненависти к самому себе и своей слабости. — Я не справился. Я не справился, и теперь они мертвы! Это несправедливо. Они не должны были умереть!

— О, Сэн... — Он так долго держал это в себе. Как она не заметила этого? Юи обняла его крепче. — Это не твоя вина...

— А вот я чувствую, что именно моя, понимаешь?

Она замолчала.

— Да, понимаю... это всегда так. — Призналась Юи. — Мы знаем, что не всеильны. Но всё равно виним себя. Я не исключение. — Она прислонилась затылком к стене. — Я чувствую то же самое по отношению к каждому пациенту, которого я не смогла спасти. Иногда я вижу их лица, и мне хочется...

— Ты? Но ты же идеальна! — Промолвил он. Парень настолько удивился её словам, что на секунду забыл о своей истерике. — Единственные люди, которых ты не можешь спасти, это те, которых **невозможно** спасти!

Ей захотелось рассмеяться, но она слишком устала, чтобы выдать хоть слабенький смешок. Если бы он только знал...

— Я тоже совершала ошибки. Мне всегда кажется, что если бы я была лучше, то спасла бы больше. — Юи зачесала назад его волосы и вздохнула. — Сэн, возможно, теория дается тебе не так просто, как Эйджи, но зато ты усерднее работаешь. И у тебя лучше получается практическая часть, и, что еще важнее, ты хорошо ладишь с людьми.

— Как будто это помогает. — Пробормотал он.

— Помогает. Ты лучше разбираешься в людях, чем я. — Откровенно сказала она. — Людям нравится, как ты с ними обращаешься. Ты знаешь, что сказать, чтобы они почувствовали себя лучше, а это одна из самых важных вещей. — Она опустила взгляд. — Сэн, независимо от того, насколько мы хороши, люди будут умирать. Это одна из самых жутких истин работы целителя. Не будь так строг к себе, хорошо?

— Но...

— Хорошо?

— Хорошо. — Он выдохнул и тупо уставился в стену. Больше не было всхлипов, лицо стало статичным, но из глаз по-прежнему срывались слезы.

Юи даже знать не хотела, какого это, будучи подростком, пусть и закалённым суровыми реалиями средневековья, держать на руках мёртвого младенца, а затем наблюдать, как умирает мать ребёнка. И всё это под взглядами остальных членов семьи.

— Сестренка... это пройдёт?

— Да. Грусть и воспоминания останутся с тобой навсегда. Но не переживай, время всё притупит. Пока снова не случится нечто похожее.

— Снова? То есть так будет каждый раз?

— Да.

— Это... как будто ночной кошмар. Только проснуться не получается.

— Я знаю. — Она закрыла глаза. — Я знаю.

<http://tl.rulate.ru/book/69328/2007005>